

Светлов П. Я., прот. Идея Царства Божия в ее значении для христианского миросозерцания: Богословско-апологетическое исследование: [Идея Царства Божия в русском богословии: Свящ. Г. С. Петров] // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 12. С. 613–647 (4-я пагин.). (Продолжение.)

ИДЕЯ ЦАРСТВА БОЖІЯ

въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія.

(Богословско-апологетическое изслѣдованіе).

ІХ.

Идея царства Божія въ русскомъ богословіи.

Неблагопріятныя условія для разработки ученія о царствѣ Божіемъ въ русскомъ богословіи.—Общее положеніе идеи царства Божія въ русскомъ богословіи.—Дѣленіе литературы вопроса на группы.—а) Краткое обзорніе журнальныхъ статей: статьи критико-библиографическія и монографіи о царствѣ Божіемъ.—б) Вторая группа въ русской богословской литературѣ о царствѣ Божіемъ: свящ. Г. С. Петровъ, Н. Н. Нешлеуевъ и Владиміръ Соловьевъ.—Свящ. *Г. С. Петровъ*: характеристика литературной дѣятельности о. Петрова; его сочиненіе о царствѣ Божіемъ; критическая литература объ о. Петровѣ и его литературной дѣятельности; мѣсто о. Петрова въ русской духовной литературѣ.

Идея царства Божія принадлежитъ къ числу весьма сложныхъ и многосодержательныхъ идей, не легко поддающихся пониманію и требующихъ продолжительнаго и глубокаго вниманія къ себѣ. Предлагаемый очеркъ положенія вопроса о царствѣ Божіемъ въ русскомъ богословіи дастъ лишній случай къ столь необходимому разъясненію идеи царства Божія; въ этомъ главная цѣль его.

На судьбахъ идеи царства Божія въ русскомъ богословіи невыгодно отражаются общія неблагопріятныя условія, въ которыя у насъ поставлены религіозно-христіанская мысль и богословская наука. Среди многихъ, неблагопріятныхъ для нашей богословской науки, условій прежде всего должны быть отмѣчены постороннія на нее вліянія, стѣсняющія сво-

бодный ростъ нашей православно-богословской мысли: это—давнее и теперь продолжающееся вліяніе византизма и латинства. Византійское вліяніе въ данномъ случаѣ отразилось недостаточнымъ вниманіемъ и равнодушіемъ въ русскомъ богословіи къ идеѣ царства Божія, болѣе практической по своему характеру, чѣмъ умозрительной; латинское сказалось смѣшеніемъ Церкви и царства Божія, какъ понятій равносильныхъ. Вліяніе протестантскаго богословія, съ его различеніемъ Церкви и царства Божія, могло бы быть въ настоящемъ случаѣ благотворнымъ для русской богословской науки, но оно не наблюдается: дурное перенимается, а доброе у насъ не прививается. (Кромѣ того, протестантское вліяніе по силѣ и размѣрамъ своимъ значительно уступаетъ вліянію латинскаго богословія въ его дурныхъ сторонахъ).

Среди другихъ условій, неблагопріятныхъ для разработки идеи царства Божія въ русскомъ богословіи, должно указать и рассмотреть въ особенности два обстоятельства, тормозящія у насъ развитіе и правильный ростъ христіанской мысли и богословской науки. На первомъ мѣстѣ здѣсь приходится поставить то, что извѣстно подъ именемъ „независящихъ отъ автора обстоятельствъ“, т. е. рассмотреть роль духовной цензуры въ судьбахъ у насъ величайшей христіанской идеи.

По своему назначенію духовная цензура есть охранительное учрежденіе, ставящее себѣ цѣлью охраненіе истинной вѣры и православной церкви въ чистотѣ и безопасности. Въ дѣйствительности духовная цензура не достигаетъ этой цѣли и не выполняетъ своего прямого назначенія. Въ то время, какъ въ одной части печати именно—въ духовной, надъ добросовѣстными и компетентными въ дѣлѣ, конечно—болѣе свѣтскихъ, духовными писателями царить цензура во всей суровой строгости своихъ требованій отъ содержанія и духа включительно даже до стила и буквъ сочиненія, въ другой части печати—въ свѣтской—свободно проповѣдуются рационализмъ, пантеизмъ, атеизмъ и т. п. и сыплется „хула на вѣру“ по компетентному заявленію официальнаго органа въ русской церкви (*Церковныя Вѣдомости* 1895, № 3). По сообщенію другого, академическаго, органа духовной печати, „не смотря на духовную цензуру, которая грозна только

для духовныхъ, слѣдовательно,—наиболѣе безопасныхъ, всѣ (въ отрицательномъ духѣ составленныя) книжки широкою волною льются теперь въ народное море, несутъ въ него „послѣднее слово науки“ и постепенно, капля за каплей, дѣлаютъ его все болѣе и болѣе чуждымъ церкви и ея боговдохновеннымъ ученіямъ“ (*Церков. Вѣстникъ* 1903, № 36, передов. статья). Цензура не въ силахъ остановить устремившагося на насъ съ запада потока невѣрія и продолжаетъ спокойно, съ важнымъ видомъ, процѣживать комаровъ... Для чего-же? Что бы глотать верблюдовъ?!... Конечно, невозможность выполнения охранительнаго своего назначенія для цензуры въ данномъ случаѣ заключается не въ ней самой, а внѣ ея, во внѣшнихъ причинахъ. Но гораздо важнѣе отмѣтить здѣсь внутреннюю или органическую невозможность достиженія охранительной цѣли для духовной цензуры, лежащую въ самомъ существѣ ея, какъ только охранительнаго учрежденія.

Охранять догматы православной вѣры или ученіе Церкви въ чистотѣ и неповрежденности—вотъ цѣль духовной цензуры,—догматы—вотъ сокровище, ввѣренное ея попеченію! Естественно, цензура въ качествѣ только хранительницы ввѣреннаго ей по существу дѣла если не враждебна, то по меньшей мѣрѣ недовѣрчива и неблагоклонна ко всему тому въ завѣдываемой ею области, что осложняетъ ея дѣло. Посему не проходитъ сквозь игольные уши общей духовной цензуры все свѣжее, новое, оригинальное и необычное въ богословской литературѣ, какъ вредное для чистоты вѣры и догматовъ Церкви, при обычномъ смѣшеніи богословія съ ученіемъ Церкви, частныхъ богословскихъ мнѣній съ догматами, общепринятаго—съ истиннымъ. Другими словами, не проходитъ и пропадаетъ для Церкви Христовой, непрестанно во всемъ возрастающей, а также—въ вѣрѣ и въ познаніи (Кол. II, 19; Еф. IV, 13, 16; II, 21; 2 Сол. I, 3; 2 Кор. X, 15; Кол. I, 10), тотъ плюсъ, тѣ „приращеніе“ и „прибыль“ (Еф. IV, 16; Мѣ. XXV, 27), или тотъ процентъ на основной капиталъ христіанскаго знанія, въ видѣ догматовъ ввѣренный Церкви, который выражаетъ собою приростъ и движеніе христіанской мысли и который называется богословскою наукою; ибо дѣйствительно догматы составляютъ неподвижный, основной фондъ или капиталъ христіанскаго знанія,

а богословіе — безконечно нарастающіе проценты на Него (Еф. III, 19; IV, 13), новые пять талантовъ на старые пять, прибыль отъ *употребленія* основного капитала *въ оборотъ* (Лк. XIX, 13 ср. Мѡ. XXV, {27}). Это значить, что духовная цензура своею охранительною дѣятельностью въ завѣдываемой ею области религіознаго слова роковымъ образомъ вмѣсто охраненія интересовъ Церкви наносить ей ужасный ущербъ, мѣшая ей возрастанію въ вѣрѣ и познаніи уничтоженіемъ плодовъ вѣры, т. е. богословской науки. Оберегать вѣру и христіанское знаніе отъ естественнаго ихъ возрастанія и препятствовать развитію и движенію христіанской мысли и богословской науки—это собственно и значить для духовной цензуры, вѣрной своему призванію, охранять вѣру! Но такъ охранять по Евангелію значить терять, ибо и въ области религіознаго знанія не собирать — значить расточать, и не приобрѣтать — терять. Цензура мѣшаетъ намъ въ области религіознаго знанія исполнять повелѣніе Господа — возвращать Богу полученное отъ Него съ прибылью. Подобно лѣнивому и лукавому рабу евангельской притчи духовная цензура подъ предлогомъ наилучшаго сохраненія ввѣреннаго ей капитала вѣры, образуемаго догматами или ученіемъ Церкви, только и дѣлаетъ, что прячетъ его въ землю или сохраняетъ завернутымъ въ тряпье схоластической мудрости (Лк. XIX, 20), преданій старцевъ и общепринятыхъ или господствующихъ мнѣній и взглядовъ...

Изъ вышесказаннаго понятнымъ становится, почему разработка всякаго богословскаго вопроса духовною цензурою допускается безъ затрудненій лишь въ направленіи общепринятыхъ въ русскомъ богословіи взглядовъ и по ихъ образцу, хотя бы эти взгляды ничего общаго не имѣли съ догматами вѣры и въ добавокъ были плохими мнѣніями. Вопросъ о царствѣ Божіемъ подлежитъ этой общей печальной участи: разработка его можетъ быть у насъ допускаема лишь въ направленіи общепринятаго взгляда, которымъ царство Божіе отождествляется съ церковью.

Что бы кому-либо сказанное мною о столь печальной участи идеи царства Божія въ русскомъ богословіи не показалось лишь простымъ предположеніемъ или апріорнымъ моимъ разсужденіемъ, я долженъ признаться, что за этимъ разсужденіемъ скрываются печальные факты. Фактъ, что со-

чиненіе съ различеніемъ Церкви и царства Божія дважды не могло пройти черезъ цензуру... Еще фактъ. Самое чтеніе сочиненія о царствѣ Божіемъ для отцевъ цензоровъ было крайне затруднено привычнымъ взглядомъ, отождествляющимъ царство Божіе съ церковью: сочиненіе о царствѣ Божіемъ они читали какъ трактатъ о Церкви и, конечно, сочиненіе этимъ путемъ превратилось, безъ вины автора, въ сплошной рядъ несообразностей и недоразумѣній. И было постановлено: не допускать „къ печатанію онаго“, какъ способнаго „въ вѣрующихъ читателяхъ породить смущеніе духа и спутанность понятій о тѣхъ предметахъ, о коихъ говорится въ сочиненіи“....

Обращаемся къ разсмотрѣнію другого обстоятельства, невыгодно отражающагося на судьбахъ русской богословской науки вообще и идеи царства Божія въ частности. Таково именно сосредоточеніе христіанской богословской мысли и научной разработки ея въ одномъ только духовномъ сословіи, за незначительными и случайными исключениями. Изученіемъ христіанской истины занимается въ русской церкви одинъ только классъ людей вслѣдствіе темноты народной массы и отчужденія интеллигенціи отъ церкви. Отъ этого происходитъ явный ущербъ для церкви и для богословской науки: этимъ полагается прежде всего препятствіе возрастанію церкви въ познаніи, ибо не вся церковь, а только малая часть ея совершенствуется въ познаніи и возрастаетъ въ немъ. Не даромъ въ христіанствѣ истина ввѣряется совокупности всѣхъ вѣрующихъ или всей церкви (Еф. IV, 13—16), а не отдѣльнымъ лицамъ или одному сословію: здѣсь, какъ и во всякой отрасли знанія, успѣхъ въ познаніи истины увеличивается пропорціонально энергіи, затрачиваемой на познаніе, и, слѣдовательно, онъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе истина открыта для познанія. Христіанская истина по своему универсальному характеру въ особенности любитъ свѣтъ и просторъ, и требуетъ возможно большей широты сознанія, а потому много теряетъ въ чистотѣ и полнотѣ своего выраженія, когда дѣлается достояніемъ отдѣльныхъ группъ и классовъ, а не всей совокупности вѣрующихъ: христіанская истина пріобрѣтаетъ печать несвойственной ей узкости и односторонности, налагаемую средою, и богословская наука можетъ пріобрѣсти, въ концѣ концовъ, характеръ сослов-

ный. Таковъ вообще вредъ спеціализаціи или, точнѣе, монополизациі религіознаго знанія въ церкви, и нигдѣ онъ не обнаруживается съ такою очевидностью, какъ на судьбахъ идеи царства Божія въ нашемъ богословіи. Приуроченіе богословской науки къ духовному сословію, если не говорить объ исключеніяхъ, отражается господствомъ въ богословіи односторонне-аскетическаго пониманія христіанства вообще съ возникающею на его почвѣ эсхатологическою концепціею царства Божія, которая въ свою очередь неизбѣжно сопровождается, какъ видѣли (гл. II и VI особ.), смѣшеніемъ церкви и царства Божія. Какимъ образомъ господство у насъ аскетическаго пониманія христіанства и эсхатологической концепціи Царства Божія можетъ быть связано съ сословнымъ характеромъ нашей богословской науки, спросятъ насъ? Связь есть. Эсхатологическая концепція царства Божія и питающее его аскетическое толкованіе христіанства заключаютъ царство Божіе на землѣ лишь внутри душъ людей, въ Церкви, *съ исключеніемъ его изъ внѣшней общественной среды*. Среда, гдѣ разрабатывается русская богословская наука, приспособлена именно къ такой узкой и безотрадной концепціи христіанства и идеи царства Божія своею замкнутостью и отчужденіемъ отъ жизни. Косвеннымъ фактическимъ доказательствомъ этого не служитъ-ли то обстоятельство, что съ болѣе широкими концепціями царства Божія мы встрѣчаемся въ иной, чуждой оффиціальному богословію, средѣ, какъ это видѣли раньше у Гоголя, Достоевскаго, Л. Толстого (гл. V) и какъ еще увидимъ у другихъ ниже въ этой главѣ?

Изъ сказаннаго не трудно заключить о скромномъ положеніи, какое идея царства Божія занимаетъ въ русскомъ богословіи.

По отношеніи къ идеѣ царства Божія на богословіи лежитъ двоякая обязанность: оно должно выработать правильное понятіе о царствѣ Божіемъ соотвѣтственнымъ выясненіемъ евангельскаго ученія и оплодотворить этимъ понятіемъ всю сферу богословской мысли, что бы оттуда провести его въ христіанскую жизнь. Западную богословскую науку нельзя упрекнуть въ нерадѣніи къ первой задачѣ, но вторая задача, какъ видѣли въ самомъ началѣ изслѣдованія, еще далеко не осуществлена имъ: изъ области экзегетики идея царства Божія еще не перешла въ область система-

тическаго богословія,—догматики, этики и апологетики ¹⁾. Съ идею царства Божія въ русскомъ богословіи еще не сдѣлано ничего ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи. Во-первыхъ, здѣсь еще совсѣмъ не прочищена дорога къ правильному понятію о царствѣ Божіемъ, да и тщательной разработки вопроса мы не видимъ; во-вторыхъ, никакого вліянія идеи царства Божія на богословскую мысль нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ эта идея удалена изъ обихода, подмѣнена другою идеею и съ нею отождествлена (идею Церкви). Вотъ почему все, ранѣе сказанное о недостаточномъ вліяніи идеи царства Божія на богословскую науку вообще, въ особенности примѣнимо именно къ русскому богословію въ частности. Къ сказанному ранѣе прибавимъ лишь немного въ доказательство и поясненіе. Догматика даже въ ученіи о такъ называемомъ тройственномъ служеніи Іисуса Христа, именно—царскомъ Его служеніи, не дѣлаетъ изъ идеи царства Божія никакого примѣненія: здѣсь говорится обычно лишь о „царскомъ могуществѣ“ или о „царскомъ достоинствѣ“ І. Христа. Исключеніе составляетъ, повидимому, догматика *архп. Филарета* (Черниговскаго), гдѣ говорится о царствѣ Христовомъ въ этомъ именно догматическомъ отдѣлѣ, но говорится не совсѣмъ отчетливо, поскольку церковь и царство Божіе здѣсь не различаются, и авторъ въ понятіи о царствѣ Божіемъ сбивается на традиціонное понятіе „царственнаго могущества“ Христа. Отличительную особенность русскаго богословія въ разсматриваемомъ отношеніи составляетъ широкое господство въ немъ неправильнаго понятія о царствѣ Божіемъ, коимъ церковь и царство Божіе отождествляются. Такое смѣшеніе различныхъ понятій царить здѣсь всюду и тяготѣетъ, къ сожалѣнію, даже надъ богословами—экзегетами, изъ коихъ нѣкоторыя подъ царствомъ Божіимъ по обычаю предпочитаютъ разумѣть царство Божіе „не земное, а небесное, слѣдовательно духовное, то-есть Церковь“ ²⁾. Въ области систематическаго богословія авто-

¹⁾ См. введенія стр. 15—20.

²⁾ *Еп. Виссаріона*. Костромскія поученія за 1901 годъ. М. 1903, стр. 11, 187, ср. введенія предлагаемаго изслѣд. стр. 19 — 20. Почему церковь, вмѣщая видимую внѣшнюю организацію, называется царствомъ духовнымъ, непонятно! Еще менѣе основанія называть церковь земную царствомъ небеснымъ.

ритетный образчикъ смѣшенія царства Божія съ Церковью данъ у насъ догматикою *митр. Макарія*, гдѣ проводится различіе между Церковью въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ слова и Церковью въ обширнѣйшемъ смыслѣ, какъ обществомъ не только вѣрующихъ людей, но и всѣхъ вообще разумныхъ существъ, въ томъ числѣ и ангеловъ. Различіе и въ логически-формальномъ смыслѣ неудобно - приемлемое. У каждаго предмета можетъ быть одно только точное опредѣленіе (что такое, напр., былъ-бы человѣкъ въ обширнѣйшемъ и въ тѣсномъ смыслѣ?), и если предметъ въ опредѣленіи обширнѣйшемъ перестаетъ быть самимъ собою, является новымъ, то, значить, и принятіе другого опредѣленія „Церкви въ самомъ обширномъ смыслѣ“ есть нарушение закона тождества, гдѣ А уже не А, а нѣчто другое. По случайнымъ причинамъ, это господствующее въ русскомъ богословіи ученіе о царствѣ Божіемъ, какъ Церкви въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, находило себѣ специальныхъ защитниковъ, пробовавшихъ дать ему, чего не было сдѣлано у *митр. Макарія*, обоснованіе изъ Св. Писанія и св. отцевъ, но—неудачно (См. напр. *Странникъ* 1896, IX, 177—178). Удивительно-ли, если въ большинствѣ случаевъ въ русскомъ богословіи Царство Божіе и Церковь безъ дальнѣйшаго принимаются за слова синонимическія, обозначающія одно и то же?

Кое-что, конечно, можно найти по нашему вопросу въ трудахъ истолковательныхъ, гдѣ вопросъ о царствѣ Божіемъ затрогивается такъ или иначе по неизбѣжности, но очень мало и въ этой области удѣляется специальнаго вниманія идеѣ царства Божія ради нея самой. Литература этого рода въ общемъ имѣетъ характеръ библиологической, таковы журнальныя монографіи о царствѣ Божіемъ и критико - библиографическія статьи съ обзорнѣемъ западно-богословской литературы вопроса. Краткое обзорнѣе этой скудной литературы мы начнемъ съ послѣднихъ статей, служащихъ естественнымъ переходомъ отъ западно-богословской къ русской богословской литературѣ о царствѣ Божіемъ.

Въ статьѣ Н. Г. „Новозавѣтное ученіе о царствѣ Божіемъ въ новѣйшей богословской литературѣ западной“ (*Чтенія въ Общ. любит. духовн. просвѣщ.* 1894, кн. X, стр. 747—814) находимъ изложеніе и разборъ сочиненій *Шмоллера* „Уче-

ніе о царствѣ Божіемъ въ Писаніи Новаго Завѣта“, Вейсса „Проповѣдь Іисуса о царствѣ Божіемъ“ и Исселя „Ученіе о царствѣ Божіемъ въ Новомъ Завѣтѣ“. Цѣлью своего сообщенія о трехъ этихъ книжкахъ Н. Г. полагаетъ ознакомленіе читателей съ характеромъ западно-европейскихъ работъ и взглядовъ по данному предмету, т. е. вопросу о царствѣ Божіемъ, сдѣлавшемся „предметомъ особеннаго вниманія въ западной богословской наукѣ — въ послѣднее время“ (747—748). Конечно, нѣкоторое, хотя неполное, представленіе о богатой литературѣ вопроса въ западномъ богословіи даютъ и указанныя три монографіи, занимающія при томъ въ ней видное мѣсто, и обстоятельное ознакомленіе съ ними нельзя считать трудомъ напраснымъ.—Царство Божіе въ Новомъ Завѣтѣ понимается въ различныхъ смыслахъ, главн. образомъ, 1) въ смыслѣ *эсхатологическомъ* или *внѣшнемъ*, иначе *космическомъ* (въ смыслѣ внѣшняго блага); 2) въ смыслѣ *внутреннемъ*, *этическомъ* или въ значеніи внутренняго духовнаго блага, какъ напр. богообщеніе, спасеніе; 3) въ смыслѣ *Церкви*, какъ общества вѣрующихъ послѣдователей Христа. Шмоллеръ и Вейссъ понимаютъ царство Божіе исключительно въ эсхатологическомъ смыслѣ и потому всѣми неправдами стараются устранить два другихъ смысла изъ Св. Писанія. Первый утверждаетъ, что въ Новомъ Завѣтѣ царство Божіе мыслится исключительно эсхатологически, второй не отрицаетъ и другихъ указанныхъ пониманій его, напр. въ смыслѣ Церкви, но онъ думаетъ, что мѣста, гдѣ царство Божіе „отождествляется съ Церковью“, не содержатъ подлиннаго ученія Іисуса Христа, а представляютъ собою позднѣйшія вставки и передѣлки. Принимая понятіе о царствѣ Божіемъ въ смыслѣ только эсхатологическомъ, оба ученыхъ богослова затрудняютъ для себя и безъ того нелегкую задачу разрѣшенія кажущагося противорѣчія между мѣстами, говорящими о царствѣ Божіемъ, какъ о будущемъ, и тѣми мѣстами, гдѣ оно представляется уже пришедшимъ или, по крайней мѣрѣ, наступающимъ, приближающимся (ср. Мр. X, 15; Мѡ. XI, 2 — 6, 11; XII, 28; XVIII, 3—4; Лк. VII, 18—23; XII, 32; XVII, 21. 20) Въ гораздо лучшее положеніе ставитъ себя Иссель, принимающій царство Божіе въ смыслѣ эсхатологическомъ и нравственно-субъективномъ (т. е. въ смыслѣ спасенія или избавленія отъ

грѣховнаго состоянія). Иссель не отрицаетъ также употребленія словъ „Царство Божіе“ въ значеніи общества Христовыхъ послѣдователей или церкви, но, подобно Вейссу, послѣднее пониманіе считаетъ неподлиннымъ и привнесеннымъ въ евангелія послѣ. Иисусъ Христосъ собственно не имѣлъ намѣренія основать новое религиозное общество на смѣну іудейскаго или церковь въ строгомъ смыслѣ, хотя зналъ, что обѣтованіе царствія Божія, особенно къ концу Своей жизни, относится не къ одному еврейскому народу, а ко всему міру, и что современемъ весь міръ сплотится около Него въ одно общество. Общество послѣдователей Христовыхъ образовалось само собою и послѣ смерти Христа стало новою церковью напротивъ ветхозавѣтной іудейской церкви. Если даже гдѣ-либо Иисусъ Христосъ и говорилъ о Церкви (два мѣста въ Ев. Мѣ.: XVI, 18—19 и XVIII, 17—18), то отличалъ ее отъ царства Божія. „Идеаломъ является то, чтобы въ Церкви осуществлялось царство Божіе, но сама Церковь и царство Божіе—двѣ вещи различныя. Отождествленіе ихъ, оставившее свои слѣды и въ евангеліяхъ, Самому Христу во всякомъ случаѣ не принадлежитъ, а уже возникло послѣ Него“ (стр. 768).—Въ критикѣ вышеуказанныхъ книжекъ Н. Г. исходитъ изъ собственныхъ положительныхъ взглядовъ, не нарочито, а попутно высказываемыхъ и хорошо обосновываемыхъ имъ. Видимъ здѣсь цѣнные замѣчанія въ качествѣ элементовъ положительнаго построенія ученія о царствѣ Божіемъ, но затрудняемся согласиться съ воззрѣніемъ автора въ цѣломъ, насколько оно является въ статьѣ. Доказывая противъ Шмоллера, на основаніи Св. Писанія (Мѣ. XVI, 28 ср. Мр. IX, 1; Л. IX, 27), что царство Божіе и царство Христово одно и то же, авторъ говоритъ: „Хотя въ одной своей формѣ, *въ формѣ существующей теперь церкви*, царство Божіе мыслится преимущественно какъ царство Сына, а въ другой, въ какой будетъ существовать послѣ второго пришествія Христова, преимущественно какъ царство Отца, однако безусловнаго значенія это различіе не имѣетъ“... (стр. 785) „Царство Божіе наступило послѣ страданій и воскресенія Христа въ видѣ Его церкви“ (стр. 797). Изъ этого видно, что, кажется, авторъ тяготеетъ къ тому типу въ обработкѣ ученія о царствѣ Божіемъ, гдѣ церковь признается моментомъ и единственною средою водворенія

на землѣ царства Божія, частичнаго осуществленія царства Божія въ ея членахъ.

Тѣмъ же авторамъ (и еще Шнедерманну) удѣляетъ вниманіе статья *А. Иванова*. „Новозавѣтное ученіе о царствіи Божіемъ“ (*Правосл. Собесѣдникъ* 1900, кн. 12). Въ полемикѣ съ нѣмецкими богословами или съ „нѣмцами“ (Шмоллеръ, Шнедерманнъ, Вейссъ, Иссель) авторъ приходитъ къ довольно правильному опредѣленію царства Божія: „Царство Божіе есть *сыновнее единеніе всѣхъ въ Бога*, какъ *даръ* благодати и милости со стороны Бога и какъ *постоянная задача* для человѣка (и человѣчества)?“ (стр. 47). Оно не есть нѣчто готовое и совершенное, а уготовляемое и совершенствующееся... Его сфера совѣсть и свобода, а потому оно исключаетъ „всякую правовую организацію“ (43, 50). Казалось-бы, такимъ описаніемъ царства Божія исключается смѣшеніе царства Божія съ Церковью, но на стр. 50 мы узнаемъ, что это царство Божіе, исключющее правовую организацію и еще только уготовляемое, есть церковь (ср. Мр. IX, 1)! Такимъ образомъ авторъ не нашель въ себѣ смѣлости возвыситься надъ традиціоннымъ воззрѣніемъ, по которому царство Божіе осуществляется и заключается только въ церкви, единственной его носительницѣ на землѣ. Въ концѣ статьи видимъ „разборъ церковно-политическихъ воззрѣній Владимира Соловьева и Л. Толстого“, въ которомъ трудно узнать дѣйствительныя воззрѣнія Вл. Соловьева, такъ въ ученіи своемъ о теократіи или христіанскомъ государствѣ Вл. Соловьевъ, оказывается, „стоитъ на томъ же пути насилія, на концѣ коего виднѣются и костры для еретиковъ“ (стр. 75)! Галлюцинацію эту легко однако исправить внимательнымъ чтеніемъ произведеній Вл. Соловьева, особенно послѣдняго періода, и критическою провѣркою установившагося въ извѣстной части печати мнѣнія о латинскомъ образѣ мысли Вл. Соловьева.

Заслуживаетъ вниманія въ ряду критико - библиографическихъ статей о царствѣ Божіемъ обширная статья почтеннаго *Н. М. Иванцова-Платонова* „Новое протестантское ученіе о церкви въ ея отличіи отъ царства Божія“ (*Правосл. Обзорніе* 1878, июль и октябрь). Подъ именемъ новаго протестантскаго ученія о церкви и царствѣ Божіемъ здѣсь разумѣются воззрѣнія Эбрарда, Ротэ, Швейцера и Краусса, съ

которыми авторъ тщательно знакомить читателей, хотя, впрочемъ, касается больше ученія названныхъ богослововъ о церкви и таинствахъ. Умолчаніе объ А. Ричлѣ нельзя не признать важнымъ пробѣломъ въ обзорѣни протестантской литературы вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и царства Божія. Въ изложеніи ученія четырехъ нѣмецкихъ богослововъ авторъ ставитъ себѣ цѣлью 1) выяснить сущность „новаго протестантскаго воззрѣнія“ и 2) оцѣнить его со стороны оснований, „которыя думаютъ находить для него въ Библии“. Авторъ почти достигаетъ первой цѣли, за исключеніемъ одной неточности, можетъ быть обмолвки, будто по „протестантскому взгляду“ вообще царство Божіе и церковь понятія „различныя даже до противоположности“. Что касается второй задачи, то удовлетворительному выполненію ея значительно помѣшало сильное вліяніе на автора господствующаго или традиціоннаго взгляда, на почвѣ котораго онъ крѣпко стоитъ въ своей статьѣ. Излагаемый взглядъ на взаимныя отношенія церкви и царства Божія объявляется въ статьѣ новымъ, неизвѣстнымъ отцамъ „древней церкви“, начало его относится здѣсь только къ „нынѣшнему“ (XIX) столѣтію. Отождествленіе церкви и царства Божія считается правильнымъ съ точки зрѣнія святоотеческаго ученія, признающаго эти понятія „какъ бы тождественными“ (Юль 416). Жаль однако, что ученіе святоотеческое по этому вопросу излагается сбивчиво („какъ-бы“ и т. п.) и еще болѣе жаль, что оно излагается при посредствѣ латинскихъ богослововъ и изъ ихъ рукъ (см. *ibid.* 215 — 416) въ виду безраздѣльнаго господства въ латинскомъ богословіи смѣшенія церкви и царства Божія. Если бы авторъ лучше познакомился съ исторіею литературы вопроса о царствѣ Божіемъ, то для характеристики отеческаго воззрѣнія онъ не привелъ бы въ качествѣ авторитета бл. Августина, занимающаго здѣсь, какъ видѣли, особое положеніе... Впечатлѣніе, производимое статьею, въ общемъ таково: не безпристрастному изслѣдованію истины она служитъ, а закрѣпленію привычныхъ взглядовъ и „какъ-бы“ процвѣтанію рутины...

Изъ немногихъ статей, посвященныхъ спеціально положительному уясненію Евангельскаго ученія о царствѣ Божіемъ, должно отмѣтить прежде всего статью *М. Богослов-*

саго „Идея о царствѣ Божіемъ въ Вѣтхомъ и Новомъ За-вѣтѣ“ *Правосл. Собесѣдн.* 1887, кн. XI). Господь Иисусъ Хри-стосъ пришелъ на землю не вновь основать царство Божіе, но возстановить царство Божіе на землѣ, ослабленное грѣхо-падениемъ людей. Царство Божіе явилось вмѣстѣ съ сотво-рениемъ вселенной, въ которой все твореніе, разумное и не-разумное, подчинено волѣ своего Творца, какъ Владыки и Царя. Искуплениемъ должно было быть возстановлено цар-ство Божіе въ человѣчествѣ, и это дѣло подготовлялось по-степенно. Царство Божіе среди еврейскаго народа или *тео-кратія* лишь было временною, подготовительною ступенью къ истинному царству Божію, царству Христову, открывше-муся немедленно съ пришествіемъ І. Христа на землю. Но царство Божіе или царство Христово не сразу открылось во всей полнотѣ и силѣ, въ немъ можно различать нѣсколько періодовъ или стадій развитія. Первый періодъ обнимаетъ земную жизнь Господа, когда полагалось основаніе царству Божію. Второй періодъ обнимаетъ царство Божіе, *пришедшее съ силой* (Мр. IX, 1) съ сошествіемъ Св. Духа на апостоловъ въ Пятидесятницу; это церковь, или благодатное царствіе Божіе въ настоящемъ его состояніи. Третьимъ періодомъ от-крывается царство славы при концѣ міра, когда будутъ устранены всѣ враги царства Божія включительно до смерти. Объ отличіяхъ между церковью и царствомъ Божіимъ ав-торъ ничего не говоритъ и даже подаетъ поводъ думать, что не различаетъ ихъ.

Въ ст. *Б. Титлинова* „Царство Божіе по ученію Новаго Завѣта“ (*Странникъ* 1902 мартъ и іюнь) подвергается сна-чала суровой критикѣ эсхатологической типъ въ ученіи о царствѣ Божіемъ въ нѣмецкомъ богословіи, признаваемый здѣсь (ошибочно) господствующимъ и чуть-ли не единствен-нымъ. Въ обстоятельномъ опытѣ построения, далѣе, собствен-наго понятія о царствѣ Божіемъ авторъ тяготеетъ видимо къ правильному или всестороннему понятію о царствѣ Бо-жіемъ, коимъ царство Божіе допускается не только на небѣ и усматривается не только въ церкви, но и на землѣ, въ мірскихъ или земныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Видно здѣсь благотворное знакомство автора съ Влад. Соловье-вымъ, котораго многіе, даже пишущіе, среди духовенства предпочитаютъ знать по слуху. Во второй части статьи

дается критика ученія Л. Толстого о царствѣ Божіемъ. Статья производитъ пріятное впечатлѣніе общимъ своимъ тономъ и живою воодушевленною рѣчью, показывающею, что царство Божіе для автора есть нѣчто большее, чѣмъ предметъ научно-богословскаго анализа и холоднаго мышленія, матеріаль для умственной работы. Этою чертою своею статья г. Титлинова уже служитъ переходомъ къ новой группѣ въ литературѣ вопроса о царствѣ Божіемъ.

Отъ авторовъ, которые только пишутъ и холодно разсуждаютъ о царствѣ Божіемъ,—мы перейдемъ теперь къ авторамъ, въ литературныхъ трудахъ которыхъ вопросъ о царствѣ Божіемъ занимаетъ не случайно свое мѣсто. Есть еще авторы не только пишущіе, но и живущіе, двигающіеся идеею царства Божія во всей своей литературной дѣятельности и въ жизни.

Нѣсколько такихъ именъ, къ счастію, можетъ назвать и наша литература, хотя двое изъ нихъ лица свѣтскія, а одному, не смотря на духовный санъ и литературный талантъ, не посчастливилось найти свой уголъ и мѣсто въ русской духовной литературѣ. Сюда принадлежатъ: свящ. Г. С. Петровъ, Н. Н. Неплюевъ, Вл. Серг. Соловьевъ. По первому царство Божіе есть господство святой воли Божіей въ жизни людей на землѣ, достигаемое главнымъ образомъ, если не исключительно, нравственнымъ обновленіемъ лицъ, и такимъ образомъ здѣсь мы снова встрѣчаемся съ воззрѣніемъ на царство Божіе, разсмотрѣннымъ ранѣе (гл. V,—особенно—Достоевскаго). Вторымъ писателемъ - публицистомъ въ данное понятіе о царствѣ Божіемъ вносится новая важная черта: царство Божіе есть господство святой воли Божіей въ жизни людей на землѣ, достигаемое не однимъ только нравственнымъ совершенствованіемъ лицъ, но и усовершенствованіемъ условій внѣшняго существованія людей, ихъ общественной среды, или „организациею жизни и труда на началахъ христіанскаго братолюбія и любви“. Въ воззрѣніи Вл. С. Соловьева мы поднимаемся къ полному понятію о царствѣ Божіемъ, обнимающемъ собою не только личную и общественную жизнь людей, но и всю внѣшнюю физическую природу, включительно до тѣла; словомъ здѣсь находить себѣ выраженіе идея о царствѣ Божіемъ, какъ всецѣломъ господствѣ воли и мысли Божіихъ во всемъ Его тво-

реніи, какъ гармоніи и примиреніи всего въ Богѣ. Такимъ образомъ три разсматриваемыхъ воззрѣнія на царство Божіе, при тождествѣ своемъ въ понятіи о существѣ царства Божія, съ различною степенью полноты однако отражаютъ въ себѣ идею царства Божія. Идея царства Божія такъ глубокосодержательна и объемиста, что трудно обнимается ограниченнымъ индивидуальнымъ сознаниемъ со всѣхъ своихъ сторонъ, и естественно поэтому сознание останавливается на тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ ея сторонахъ, что бы лучше уяснить себѣ ихъ. Отсюда получаютъ свою цѣнность и тѣ воззрѣнія на царство Божіе, которыми ярко выдвигаются извѣстныя его стороны: онѣ помогаютъ лучшему пониманію цѣлаго, ярче выдвигая для нашего сознанія его части. Маленькій предметъ не трудно сразу охватить глазомъ, большой же предметъ, напр. высокій домъ или гору, придется разсматривать отдѣльно со всѣхъ сторонъ, что бы придти къ лучшему представленію о цѣломъ. Такова христіанская истина вообще и евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ въ частности. Выяснить какія - нибудь отдѣльныя стороны великой евангельской истины царствія Божія или часть ея значить, конечно, исполнить часть работы но кто сдѣлаетъ эту свою часть хорошо, не выдавая ея за цѣлое, не отнимется отъ того заслуга его. Лучше часть сдѣлать хорошо, чѣмъ все плохо, ибо и здѣсь, какъ вездѣ, есть „вѣрность въ маломъ“.

Вотъ та единственно вѣрная точка зрѣнія, на которой должно стоять въ сужденіяхъ и о литературной дѣятельности о. Петрова или въ рѣшеніи вопроса „о проповѣднической дѣятельности“ свящ. Г. Петрова, ибо съ недавняго времени, съ конца 1902 г., изъ этой дѣятельности сдѣланъ вопросъ и, въ своемъ родѣ, многошумный. Конечно, въ рѣшеніи этого вопроса надлежащимъ матеріаломъ для насъ могутъ служить только печатныя произведенія о. Петрова, лежащія передъ нашими глазами, и я не позволю себѣ въ сужденіяхъ о людяхъ и ихъ дѣятельности замѣнять собственный опытъ и наблюденіе чужими ушами и глазами ¹⁾.

¹⁾ Печатные труды о. Петрова состоятъ изъ нѣсколькихъ брошюръ и небольшихъ по объему сборниковъ статей и рассказовъ, какъ-то: „Къ

Какъ видѣли (гл. IV), Евангеліе или христіанство скрываетъ въ себѣ необъятный запасъ зиждительныхъ силъ свѣта и добра, далеко не исчерпанныхъ и неиспользованныхъ человѣчествомъ даже доселѣ. Всѣ сочиненія о Петрова сплошной призывъ къ обновленію нашей жизни, во всей полнотѣ ея земныхъ формъ, силою Евангелія; здѣсь горячее и сильное напоминаніе quasi — христіанскому обществу о Евангеліи, признаваемомъ на словахъ, но забытомъ на дѣлѣ, въ строеніи жизни. Въ этомъ обращеніи своемъ къ обществу о. П-въ одушевляется истинно-христіанскими вѣрованіями и идеями, безъ которыхъ нельзя быть не только хорошимъ богословомъ, проповѣдникомъ и публицистомъ, но и хорошимъ христіаниномъ. Онъ одушевляется вѣрою въ зиждительную силу Евангелія, какъ „основную силу неустаннаго роста“ и развитія человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ ¹⁾; одушевляется вѣрою въ человѣка, его способностью къ глубокому усвоенію Евангелія ²⁾, вѣрою въ конечное торжество истины, любви и добра, въ возможность осуществленія царства Божія, христіанской цивилизаціи на землѣ ³⁾. Словомъ, „чарующимъ идеаломъ евангельской правды“, идеею царства Божія одушевляется и направляется слово нашего публициста,—и въ этомъ причина его силы и дѣятельности въ русскомъ обществѣ, всегда чуткомъ къ живымъ звукамъ неумирающей евангельской правды. На литературно-проповѣднической дѣятельности о. Петрова мы еще разъ убѣждаемся въ томъ, что жизненнымъ нервомъ и двигательною живою силою истинно-христіанскаго слова въ полной мѣрѣ можетъ быть только идея царства Божія, когда ея одушевляются проповѣдники, писатели, пастыри и учи-

---

свѣту!“ „Христоръ Воскресе!“ „Долой пьянство!“ М. 1902², „Зерна добра“ М. 1903², „Божій путь“. М. 1903, „Божьи работяги“. М. 1902², „По стопамъ Христа“ С.-Петербург. 1902², „Школа и жизнь“. СПб. 1903², „Евангеліе, какъ основа жизни“ СПб. 1902. Изданіе шестое „безъ перемѣнъ“. (Если не ошибаюсь, къ 1903-му году вышло 14-е изданіе этого наиболѣе крупнаго по объему, послѣ „Школа и жизнь“, сочиненія: 1 — 139 стр., гдѣ говорится объ „основныхъ началахъ цивилизаціи“, о „христіанскомъ воспитаніи воли“, о „нравственномъ вырожденіи“, о „величій Евангелія“ и о „Царствѣ Божіемъ“).

1) *Евангеліе какъ основа жизни*, 16.

2) *Ibidem* 118—119.

3) *Ibid.* 137.

тели, ибо все христіанство, взятое въ цѣломъ, есть, кратко, „Евангеліе царствія Божія“ (Мр. I, 14). ¹⁾

Отъ основныхъ положеній „проповѣди Евангелія, какъ именно царствія Божія“, перейдемъ къ краткому изложенію въ цѣльномъ видѣ міросозерцанія о. публициста, насколько оно могло выразиться въ данныхъ печатныхъ трудахъ его.

Жизнь, какъ она есть, давитъ насъ тяжелымъ гнетомъ всевозможнаго зла и страданій и мы ищемъ освобожденія отъ ея безчисленныхъ невзгодъ. Одни освобожденіе ищутъ въ просвѣщеніи, другіе (соціалисты) въ равномъ распредѣленіи благъ земныхъ, третьи—въ улучшеніи или обновленіи внѣшнихъ формъ жизни. Но единственное и дѣйствительное средство къ обновленію внѣшней среды есть обновленіе душъ, къ которому и призываетъ насъ евангеліе, настойчиво говорящее намъ: „хотите новой жизни — обновитесь прежде сами; мечтаете измѣнить порядки — измѣните себя, покайтесь“ ²⁾! Правда, жизнь, среда, оказываетъ воздѣйствіе на саму душу, въ которой источникъ обновленія жизни ³⁾, но „въ нравственномъ злѣ лежитъ *главный* корень бѣдствій“ ⁴⁾. Поэтому Евангеліе съ проповѣдью обновленія душъ и требованіемъ искать прежде всего царствія и правды его — является наилучшимъ обезпеченіемъ всякихъ благъ жизни, совершеннымъ „откровеніемъ новой жизни, цѣлою перспективою лучшихъ отношеній“ ⁵⁾. Другими словами, спасеніемъ отъ всѣхъ золъ жизни служить царство Божіе, проповѣдуемое Евангеліемъ, ибо царство Божіе и есть именно „совершенная жизнь на землѣ, основанная на началахъ любви и справедливости, пробужденная Христомъ Спасителемъ и устрояющаяся по Его евангельскому завѣту“; оно состоитъ „въ полной побѣдѣ добра надъ зломъ въ человѣческомъ сердцѣ“ и обусловливается нравственнымъ пере-

¹⁾ Ср. 13—15 введ. предлаг. изслѣдованія.

²⁾ *Божій путь* 4—5.^{*}

³⁾ *Зерна добра* 69—70; *Школа и жизнь* 98.

⁴⁾ *Зерна добра* 169. Впрочемъ, въ трудномъ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ среды и личности авторъ колеблется между различными мнѣніями: здѣсь у него въ нравственномъ обновленіи личности *первое* и *главное* условіе обновленія внѣшней жизни, а въ *Евангеліи, какъ основа жизни* это условіе—*единственное* (стр. 127, хотя на стр. 115 опять иначе).

⁵⁾ *Евангеліе, какъ основа жизни* 88, 15.

рожденіемъ лицъ ¹⁾. Много прекрасныхъ строкъ посвящено въ сочиненіяхъ о Петрова уясненію центрального значенія въ христіанствѣ этой основной идеи царства Божія и справедливому выраженію сожалѣнія, что даже среди „благоговѣйно чтущихъ и критически разбирающихъ Евангеліе“ встрѣчаются смутныя и ошибочныя понятія о царствѣ Божіемъ, а слѣд. о христіанствѣ. Отсюда выясненіе въ сознаниіи людей правильнаго понятія о царствѣ Божіемъ и обаянія идеи царства Божія, „пробужденіе захватывающаго интереса“ къ нему справедливо объявляется о. Петровымъ настоятельною задачею времени и даже однимъ изъ условій, подготовляющихъ почву для торжества Евангелія и царства Божія среди людей ²⁾.

Въ какомъ же положеніи находится нынѣ царство Божіе и каковы судьбы его въ исторіи? Иисусъ Христосъ положилъ на землѣ начало царству, Божію, основалъ башню, которая должна возвести людей на небо. Самъ Онъ легъ во главу угла краеугольнымъ камнемъ, далъ людямъ ученіе истинной жизни и своимъ примѣромъ показалъ, какъ это ученіе слѣдуетъ исполнять. Люди эту башню должны достраивать, людскую жизнь возводить все на большую и большую Божію высоту, что достигается приумноженіемъ добра и правды Божіей въ людяхъ. Отсюда обязанность и цѣль жизни каждаго человѣка, отдѣльныхъ народовъ и всего человѣчества состоитъ въ томъ, что бы увеличеніемъ любви и правды все болѣе и болѣе приближать наступленіе царства Божія на землѣ ³⁾, и нѣтъ болѣе заманчивой перспективы, чѣмъ та, которая указана человѣчеству въ Евангеліи: устроеніе и наступленіе царства Божія на землѣ ⁴⁾. Царство Божіе незамѣтно и медленно, но неустанно растетъ и добро умножается на землѣ, и это поясняется прекрасными сравненіями евангелія съ солнцемъ, которое, подобно солнцу, освѣщаетъ въ человѣческой массѣ прежде всего болѣе чуткія и возвышенныя души, эти отдѣльныя вершины среди прав-

¹⁾ Евангеліе, какъ основа жизни 15, 102, 103; 104 — 109 и 114 — 129 (объ условіяхъ царства Божія)...

²⁾ Евангеліе, какъ основа жизни, 99—100, 121, 122.

³⁾ Зерна добра 57—58, ср. 71, 151; Божій путь 35; Евангеліе, какъ основа жизни 26.

⁴⁾ Евангеліе, какъ основа жизни 96.

ственнаго мрака, окутывающаго все еще массу человѣчества. Человѣчество въ своемъ пути подобно арміи на походѣ: болѣе сильныя идутъ впереди, слабыя отстаютъ, но армія въ общемъ, хотя и съ остановками, съ поджидаемъ остальныхъ, все же движется впередъ. Подобно этому дѣйствуетъ Евангеліе въ мірѣ, эта закваска царства Божія. Если мы сообразимъ, какую необъятною квашнею является человѣчество, мы не удивимся, что закваска добра дѣйствуетъ медленно, хотя и вѣрно. Отдѣльнымъ поколѣніямъ людей не бросается въ глаза нравственное улучшеніе, въ общемъ, человѣчества, приростъ въ немъ добра или усвоенія Евангелія, но исторія ярко отмѣчаетъ его, свидѣтельствуя намъ о величіи и могуществѣ Евангелія, какъ обновляющей силы въ исторіи человѣчества ¹⁾).

Солнце правды выше и выше подымается надъ землею, совѣсть дѣлается болѣе зоркою и начинаетъ ужасаться той нравственной грязи, которою осквернена человѣческая жизнь. Добро растетъ на землѣ. Труды предшественниковъ нашихъ на нивѣ Божіей облегчили намъ работу и расчистили путь къ царству Божію; проложены пути и вѣдома дорога къ царству Божію, но какъ все еще мы далеки отъ него! Наступилъ XX-й вѣкъ, а до устроенія жизни людей по евангельскому ученію куда какъ все еще далеко! Давно человѣчество застали мы на дорогѣ, но, къ сожалѣнію, недалеко еще оно ушло. Слишкомъ часты остановки и слишкомъ мало добрыхъ вожakovъ, которые своимъ примѣромъ и воодушевленнымъ словомъ увлекали бы за собою людей и подбодряли-бы ихъ въ трудномъ пути къ обѣтованной землѣ царствія Божія ²⁾! Христіанство далеко еще поэтому не проникло въ жизнь, не сказало здѣсь своего послѣдняго слова, и не мало страницъ въ сочиненіяхъ о. Петрова посвящено яркому изображенію рѣзкаго разлада современной нашей культурной жизни съ евангельскимъ идеаломъ и изобличенію ложнаго христіанства, подобно безплодной смоковницѣ растущаго не въ плоды, а въ листья. Наше христіанство только наружное, словно накладное, подобно на-

¹⁾ *Зерна добра* 4—19; *Школа и жизнь* 166; *Евангеліе, какъ основа жизни* 79—96.

²⁾ *Зерна добра* 13, 19.

кладной мебели: снаружи мы какъ будто и христіане, а по-пробуй насъ царапнуть, какъ накладную мебель погтемъ, — и сейчасъ скажется язычникъ, ненависть и злоба выйдутъ наружу... Правда Божія на землѣ не растетъ вровень съ увеличивающимися богатствами на землѣ, знаніемъ природы, властью надъ нею; отдаленныя пустыни и лѣсныя дебри людемъ болѣе вѣдомы, чѣмъ ихъ собственная душа и пути къ правдѣ, а потому людская жизнь нынѣ такъ печальна и тяжела ¹⁾.

Что же дѣлать для ускоренія царства Божія на землѣ? чѣмъ подвинуть его осуществленіе? Путь къ осуществленію царства Божія—нравственное обновленіе всей духовной природы человѣка, выработка имъ христіанскаго міровоззрѣнія, воспитаніе воли въ духѣ евангельской любви и правды. Движущею силою на этомъ пути служить Евангеліе. Наступленіе царства Божія, поскольку оно зависитъ отъ человѣка, обусловливается, стало быть, христіанскимъ воспитаніемъ воли ²⁾. Для этой цѣли должно быть возвращено законное мѣсто Евангелію въ семьѣ и школѣ, въ дѣлѣ воспитанія: мы плохи и не сдумѣли устроить жизнь по Евангелію, но будемъ ждать лучшаго отъ новыхъ подрастающихъ поколѣній, лишь бы не закрывали путей возрождающей силѣ Евангелія къ школѣ ³⁾. Евангеліе, проповѣданное Спасителемъ, было словомъ жизни, будило спящую совѣсть, властно покоряло сердца людей, въ душахъ которыхъ сохранялась хотя искра Божьяго огня. Та же сила и доселѣ сохранилась въ ученіи Спасителя (что прекрасно иллюстрируется фактами въ соч. о. П—ва). Дайте же свѣту евангельскаго Божія Слова доступъ къ человѣческимъ сердцамъ, къ простому, коснѣющему во тьмѣ, народу и къ школѣ, лишенной христіанскаго воспитанія, и жизнь наша измѣнится, ибо „не можетъ быть, что бы люди тогда остались тѣми же, что были ранѣе, и не сдѣлались правдивѣе, трезвѣе, чище, добрѣе“ ⁴⁾.

Вотъ сущность проповѣди о. Петрова и въ общихъ чер-

1) *Зерна добра* 55—57, 59—61, 78—80, 117—122 ср. *Евангеліе, какъ основа жизни* 16—26, 75 и др.

2) *Евангеліе, какъ основа жизни* 28, 34, 35—58.

3) См. *Школа и жизнь*.

4) *Божьи работницы* 3—4; *Зерна добра* 98—114.

тахъ его міросозерцаніе. Здѣсь христіанство является проповѣдью именно Евангелія царствія Божія, гдѣ все идетъ отъ идеи царства Божія и возвращается къ этой идеѣ, какъ средоточію всего міросозерцанія. Въ сочиненіи *Евангеліе, какъ основа жизни* есть отдѣльный трактатъ, посвященный уясненію понятія царства Божія, но этотъ трактатъ въ сущности представляетъ собою резюме или сокращеніе всего, что найдено нами въ другихъ сочиненіяхъ о. Петрова, по вопросу о царствѣ Божіемъ, точно такъ же, какъ само названное сочиненіе есть сокращеніе всѣхъ другихъ сочиненій его. Въ виду центрального положенія сочиненія о. Петрова „Евангеліе, какъ основа жизни“ среди другихъ его сочиненій не излишне сказать о немъ нѣсколько словъ особо.

Разсматриваемое сочиненіе о. Петрова, наиболѣе всѣхъ другихъ пришедшее по вкусу публики, не во всемъ однако отразило въ себѣ вышеизложенное міросозерцаніе автора и въ нѣкоторыхъ пунктахъ вноситъ измѣненія, немѣющія характера усовершенствованія ¹⁾. Ухудшеніе достигается здѣсь вообще усиленнымъ развитіемъ и выраженіемъ тѣхъ или иныхъ взглядовъ, проводимыхъ о. Петровымъ въ другихъ сочиненіяхъ.

Въ правильной и всесторонней формулѣ прогресса общественное благо есть результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: личности и среды. Выдвигая на первый планъ первый факторъ въ качествѣ главнаго въ другихъ сочиненіяхъ, о. Петровъ признаетъ значеніе и послѣдняго фактора. Но въ „Евангеліи“ опредѣляющимъ началомъ жизни объявляется *только* сердце человѣка (стр. 127).

Вѣра нашего автора въ нравственную мощь человѣка или его способность къ добру принимаетъ въ „Евангеліи“ видъ поверхностнаго оптимизма тамъ, гдѣ о. Петровъ, въ своей рѣчи объ условіяхъ осуществленія царства Божія, перерожденіе человѣка понимаетъ въ смыслѣ измѣненія его мыслей и понятій, а не сердца и воли,—по крайней мѣрѣ говоритъ языкомъ этического интеллектуализма или рационализма.

¹⁾ „Евангеліе, какъ основа жизни“ въ короткій срокъ выдержало болѣе десяти изданій, являясь во всѣхъ изданіяхъ, какъ значится на обложкѣ, „безъ перемѣнъ“. Перемѣны однако были - бы неизлишны, если-бы не былъ понятенъ печальный смыслъ этой надписи: изданіе „исправленное“ не значить ли часто на русскомъ языкѣ „испорченное“?..

Въ другихъ сочиненіяхъ покаяніе, требуемое Евангелиемъ въ качествѣ условія вступленія въ царство Божіе, понимается въ смыслѣ сознанія своей виновности или грѣховности, а здѣсь евангельское „покайтесь“ значитъ „передумайте, перемѣните ваши мысли, измѣните основную точку зрѣнія, произведите коренную переоцѣнку всѣхъ своихъ воззрѣній“ и т. п. Средствомъ къ коренному нравственному перевороту называется ясное пониманіе величія Евангелія, усвоеніе ученія евангелія умомъ, выясненіе въ сознаніи обаянія евангельской жизни и т. д. ¹⁾ Подобными выраженіями о Петровъ даетъ поводъ несочувственной критикѣ упрекать его въ рационализмъ, пелагіанизмъ и т. п., — упрекать несправедливо: въ этомъ же вѣдѣ сочиненіи мы читаемъ и инныя рѣчи, гдѣ подъ перерожденіемъ разумѣется измѣненіе сердца, перевоспитаніе воли (въ цѣлой главѣ) „обновленіе всей духовной природы человѣка“ ²⁾. Неточнымъ выраженіемъ взгляда о Петровъ производитъ, такимъ образомъ, впечатлѣніе (особенно на подозрительную критику), будто воззрѣнія его „покоятся на началахъ рационализма, который полагаетъ, что царство Божіе основано однимъ ученіемъ— Христа“, усиливая это впечатлѣніе умолчаніемъ о дѣйствіи благодати Божіей и о значеніи церкви въ дѣлѣ обновленія человѣческой души, о чемъ находимъ упоминаніе въ другихъ сочиненіяхъ ³⁾.

Въ сочиненіи *Зерна добра* основанное на землѣ Іисусомъ Христомъ царство Божіе называется башнею, возводящею людей на небо (57), чѣмъ прекрасно связываются въ неразрывное цѣлое двѣ различныя стороны царства Божія, — этическая и эсхатологическая, и чѣмъ достигается цѣлостное воззрѣніе на христіанство, какъ универсальную религію, обнимающую временное и вѣчное, земное и небесное. Въ сочиненіи „Евангеліе, какъ основа жизни“ различеніемъ *царства Божія* отъ *царства небснаго* или двухъ царствъ Божіихъ, земного и потусторонняго, царство Божіе перестаетъ быть башнею, возводящею людей на небо, а христіан-

¹⁾ *Евангеліе, какъ основа жизни* 105, 106, 107. 121.

²⁾ Стр. 28, 34, 35—58. 103 и др.

³⁾ См. *П. Козицкаго*. „О литературной проповѣди свящ. о. Григорія Петрова. По поводу сочиненія: „Евангеліе, какъ основа жизни“—*Миссіон. Обзор.* 1903, № 7, стр. 943—944.

ская религія всеобъемлющею основою всей жизни чело-вѣка въ ея земномъ и потустороннемъ бытіи. Царство Божіе въ разсматриваемомъ соч. о. Петрова получаетъ земной характеръ человѣческой культуры, социального прогресса или усовершенствованія человѣческой жизни на землѣ предъ воздѣйствіемъ Евангелія (стр. 16, 114, 108 и др.), а религія христіанская односторонне представляется въ ея значеніи для земной жизни, въ ея служеніи культурѣ и прогрессу. Неосновательное различеніе двухъ царствъ Божіихъ въ соч. *Евангеліе*, съ особенною силою подчеркнутое несочувственною критикою, (здѣсь есть даже специальная статья объ этой ошибкѣ въ соч. о. П—ва: *Мисс. Обзор.* 1903, № 10, 1401—1415), точно также дало обильный матеріалъ и поводъ для обвиненій, хотя уже и несправедливыхъ, будто, напр., нашъ авторъ „ограничиваетъ все содержаніе христіанской жизни одной моральной стороною и при томъ настолько, насколько она ведетъ къ земному благополучію, къ уравновѣшенію экономического строя жизни всѣхъ слоевъ общества, къ большей доступности благъ современной культуры и низкимъ классамъ общества“ ¹⁾. Сказать это значило-бы не читать соч. „Евангеліе, какъ основа жизни“ или читать его особенными глазами ²⁾, но тѣмъ не менѣе поводъ къ этой напраслинѣ дается различеніемъ царства Божія и царства небеснаго въ соч. о. П—ва *Евангеліе, какъ основа жизни*.

Справедливый поводъ къ обвиненіямъ критики въ этомъ сочиненіи (что незамѣтно въ другихъ сочиненіяхъ) подается, наконецъ, еще неточною цитаціею свящ. Писанія. Дѣйствительно, указанія критики здѣсь заслуживаютъ полнаго вниманія, а ошибки требуютъ исправленія ³⁾. Съ своей стороны указаніе промаховъ въ соч. „Евангеліе, какъ основа жизни“ заключа заявленіемъ сожалѣнія, что здѣсь не получили выраженія прекрасныя мысли о. Петрова о значеніи церкви въ дѣлѣ устроенія царства Божія на землѣ, высказанныя имъ въ другихъ сочиненіяхъ, (да и нѣтъ упоминанія о церкви ⁴⁾). Церковь и царство Божіе слишкомъ тѣсно

¹⁾ *Вѣра и Церковь* 1903, № 3, 460.

²⁾ См. стр. 129—133, ср. *Божій путь* стр. 4—5.

³⁾ *Мисс. Обзор.* 1903, № 7, 948—950.

⁴⁾ *Зерна добра* 76; *Божій путь* 22.

связанныя другъ съ другомъ вещи, что бы можно было молчать объ одномъ, говоря о другомъ,—въ особенности нежелательно молчаніе о церкви тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о царствѣ Божіемъ на землѣ: если церковь можетъ существовать безъ царства Божія на землѣ, то вѣдь царство Божіе на землѣ безъ церкви существовать не можетъ. Въ церкви очагъ евангельскаго свѣта, правды и добра; въ ней начало и источникъ царства Божія, отъ нея мы ждемъ спасенія и обновленія не только отдѣльныхъ лицъ, но и народовъ и даже всего міра. Вотъ что громко и неустанно слѣдуетъ твердить нынѣ, сколько бы недоразумѣній ни накопилось у насъ около священнаго имени церкви! Впрочемъ, чего не находимъ у о. П—ва, то находимъ у другихъ, сказавшихъ вѣское и сильное слово о значеніи православной церкви въ дѣлѣ обновленія нашей жизни или устроенія царства Божія на землѣ (Н. В. Гоголь, Ѳ. М. Достоевскій, Н. Н. Неплюевъ, Вл. С. Соловьевъ, К. П. Побѣдоносцевъ, Н. А. Гиляровъ-Платоновъ, славянофилы, особенно—А. С. Хомяковъ, И. В. Кирѣевскій, И. С. Аксаковъ и др.).

Здѣсь конецъ моему слову о дефектахъ въ литературной дѣятельности о. Петрова; здѣсь кончается и мое согласіе съ критиками его.

Хотя о. Петровъ имѣетъ и друзей въ духовной печати ¹⁾, но сильнѣе здѣсь раздается голосъ несочувственной критики, сплошь обвинительной ²⁾. Ничего не находятъ хорошаго въ литературныхъ трудахъ о. П—ва кромѣ развѣ „легкаго слога“, да и тотъ единогласно въ обвинительной литературѣ признанъ для духовной литературы неподходящимъ, „фельетоннымъ“. Какой-либо научной цѣнности, разумѣется, не имѣетъ эта обличительная литература, въ которой есть все, начиная отъ обычной придиричivosti и искаженій до воплей о загражденіи усть (Вѣра и Церковь 1902, кн. 10, стр. 805), и ничего для науки и даже православной вѣры,

¹⁾ См. *Стражникъ* 1903, іюнь, 915—916.

²⁾ *Вѣра и Церковь* 1901, кн. 6, стр. 145—156; 1902 г., кн. 10, 800—806; 1903, кн. 2, 281—285; 1903, кн. 3, 458—461; *Миссион. Обзор.* 1903, № 3, 315—331 и 331—333; 1903, № 4, 558—560 и 567—572; 1902, № 11; *Моск. Вѣдом.* 1902, дек. 23; 1903 янв. 5; *Церк. Вѣстн.* 1902, № 48; *Мисс. Обзор.* 1903, № 6, 753—769; 1903, № 7, 936—955; 1903, № 9, 1279—1289; 1903, № 10, 1041—1415.

взятой подъ защиту противъ „петербургскаго проповѣдника“ ревнителями православія. Литература эта представляетъ, главнымъ образомъ, бытовой интересъ и характеризуетъ не о. Петрова, а его противниковъ и господствующее теченіе въ современной духовной литературѣ, питаемое далеко не чистыми христіанскими источниками, а чѣмъ то другимъ ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ разсматриваемая критическая литература, въ связи съ моимъ авторскимъ опытомъ, уже разъ сослужила мнѣ свою службу въ качествѣ матеріала для подробной характеристики этого направленія въ богословіи и практикующихся здѣсь приемовъ критики и полемики ²⁾.

Общій тонъ обличительною литературою взятъ твердый, властный: это не голосъ скромной, понимающей свое дѣло, критики, а голосъ высшаго церковнаго судилища, обращенный къ о. Петрову не какъ къ автору только, а какъ даже къ священнику. Отдѣльныя лица, собратія-пастыри, забывая значеніе критики и ея задачи, берутъ на себя смѣлость обращаться къ о. Петрову съ обличеніями, увѣщаніями, угрозами и приговорами о пастырской и православной неблагонадежности его, предвосхищая права церковной власти. Администрація и наука въ такой критикѣ смѣшиваются. Заключеніемъ слова—священникъ—въ ковычки и другими способами въ этой литературѣ высказывается приговоръ надъ о. Петровымъ уже какъ надъ пастыремъ, недостойнымъ священнаго сана. Свои филиппики одинъ изъ такихъ самозванныхъ судей заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „Мы увѣрены, что наступитъ время, когда о. П.—въ внелетъ этимъ братскимъ (?!) совѣтамъ нашимъ... *Не вотще же онъ носитъ благодать священства*“ ³⁾!... Если бы свящ. Вл. Гобчанскій, столь увлекшійся въ полемикѣ, и дѣйствительно самъ не вотще носилъ благодать священства, то и тогда намъ совершенно было бы непонятно, почему не соглашаться съ мнѣніями о. Гобчанскаго или другихъ отцовъ-критиковъ значило-бы вотще носить благодать священства?!

¹⁾ См. объ этомъ богословскомъ направленіи гл. V и VI предлг. изслѣдованія.

²⁾ См. *Образованное общество и современное богословіе*. Сергіевъ Посадъ 1902, стр. 75—84.

³⁾ *Вѣра и Церковь* 1903, кн. 2, стр. 285 (*Свящ. Вл. Гобчанскій*).

Въ чемъ же, посмотримъ, обвиняють и какъ обвиняють о. Петрова?

Главная вина о. Петрова, повидимому, въ слѣдующемъ: онъ „отступаетъ отъ традиціонныхъ приемовъ“ въ изложеніи; онъ „въ изложеніи, методѣ построенія своихъ сужденій, въ подборѣ доводовъ въ пользу извѣстныхъ положеній, ихъ раскрытіи, не слѣдуетъ способу изложенія, установившемуся у духовныхъ писателей“. У него „своеобразная и увлекательная манера изложенія“, но—вотъ тутъ то и преступленіе!—„не принятая доселѣ у лицъ духовнаго сана и богословскаго образованія“. „Внѣшній строй рѣчи автора завлекателенъ, онъ пишетъ очень складно, плавно, строго послѣдовательно“, способенъ рѣчью своею плѣнять, очаровывать читателей и оставлять глубокой слѣдъ въ душахъ читателей—и все это вдругъ ни къ чему: слѣдуетъ писать принятымъ для духовной литературы языкомъ безъ всякой жалости къ читателямъ, хотя бы отъ чтенія они падали на полъ въ мертвомъ непробудномъ снѣ ¹⁾! Вотъ откровенный голосъ рутины, оскорбленной рѣзкимъ проявленіемъ авторской индивидуальности, которая строго преслѣдуется ею!

Измѣна „общепринятому для духовныхъ лицъ“ языку въ литературныхъ трудахъ о. Петрова влечетъ за собою новое и серьезное обвиненіе... въ неправославности! Высказывая „сужденіе“ о литературныхъ трудахъ о. Петрова „съ православной точки зрѣнія“, одинъ изъ судей автора (кстати замѣтить—цензоръ), не находитъ возможнымъ признать православнымъ „направленіе проповѣдничества“ его на основаніи... слога! Дѣло въ томъ, видите-ли, что у о. Петрова „истина облекается въ форму“, „форма тяготѣетъ надъ идеєю, внутреннимъ содержаніемъ“, т. е. онъ „наполняетъ свои статьи и бесѣды аналогіями“. Но „на основаніи Евангелія можно не столько защищать, сколько порицать усиленное употребленіе о. П—вымъ аналогіи въ его проповѣдяхъ“, потомучто... „наши отечественные выдающіеся проповѣдники Иннокентій Херс., Амвросій Харьк. и др. довольно рѣдко позволяютъ себѣ въ проповѣдяхъ аналогіи и сравненія“! Слѣдовательно,—не ясно-ли?—направленіе про-

¹⁾ Мисс. Обозр. 1903, № 7, 955; *Вѣра и Церковь* 1901, кн. 6, стр. 149, 145, 1903, кн. 3, стр. 461.

повѣдничества о. Петрова неправославно! Таково сужденіе о литературной дѣятельности о. Петрова „съ православной точки зрѣнія“!!

Ужасное во всѣхъ отношеніяхъ „сужденіе“, и страшно впасть въ руки такихъ экспертовъ — судей и знатоковъ „православности“¹⁾!.. Спрашиваемъ все-таки, хотя и въ испугѣ, не писать-ли ужъ намъ корявымъ языкомъ критиковъ о. Петрова для успѣховъ православія и православной богословской науки? не взять-ли намъ въ образецъ рѣчь, гдѣ „форма не тяготѣетъ надъ идеею“ и „истина не облачается въ форму“? Но мы однако будемъ продолжать думать, что православность совмѣстима съ грамотностью и признаніемъ дара человѣческой рѣчи...

„Почему бы ему (о. П—ву) не говорить и не писать языкомъ библейскимъ и св. Церкви?“ задаетъ вопросъ одинъ критикъ. Въ самомъ дѣлѣ, такимъ языкомъ, можетъ быть, удовлетворилась-бы суровая критика? Вотъ именно такимъ языкомъ и пишетъ о. Петровъ объ истинномъ поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ въ обличеніе внѣшняго благочестія, гдѣ „Богу кланяются только спиною“,—пишетъ языкомъ прор. Исаи I, 10—18, словами Самого Господа (Ев. Іоан. IV, 23—24) и... въ результатъ получается неожиданное обвиненіе, что „онъ отрицаетъ потребность догмы и культа“²⁾. Въ Евангеліяхъ и часто въ церковно-богослужебномъ нашемъ языкѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ „называется однимъ только именемъ Іисусъ“, что, по изъясненію Ев. Мѣ. 1, 21, значить Спаситель, Искупитель. Слѣдую столь высокому образцу и въ полномъ согласіи съ „языкомъ Библии и св. церкви“ о. Петровъ „называетъ Іисуса Христа однимъ только именемъ Іисусъ“ и... въ критикѣ „получается впечатлѣніе, что о. Петровъ (этимъ путемъ) силится ниспровергнуть Его Божеское достоинство“³⁾!... И такъ, видно, дѣло не въ языкѣ, а еще въ чемъ-то...

Мы видимъ, какимъ способомъ экспертизою установлена неправославность литературныхъ трудовъ свящ. Петрова по *формѣ*; конечно, столь же неправославными они должны оказаться также и по своему *духу* и *содержанію*.

1) *Мисс. Обзор.* 1903, № 6, стр. 754, 760, 759.

2) *Мисс. Обзор.* 1903, № 7, 95.

3) *Тамъ же* стр. 947—948.

„Пигментъ, окрашивающій произведенія о. Петрова, не можетъ быть названъ строго православнымъ“, читаемъ мы; отъ нихъ „вѣтъ чѣмъ-то инымъ, но не духомъ православія и благочестія“. Точнѣе, въ нихъ нѣтъ „специфически-православнаго характера“ и церковности ¹⁾. Но испытывающіе духовъ, отъ Бога-ли они (1 Иоан. IV, 1), знаютъ-ли какого духа они-то сами (Лк. IX, 55)? Испытываютъ-ли они самихъ себя по заповѣди Апостола Павла (2 Кор. XIII, 5)? Духомъ-ли мира и любви, завѣщанныхъ Христомъ (Іоанн. XIII, 34—35; XIV, 27 и др.), вѣтъ отъ этихъ рѣчей съ требованіемъ какого-то „пигмента“? Законна любовь къ своей вѣрѣ, но гдѣ эта любовь вырождается въ самолюбивое стремленіе къ религіозному обособленію и вражду къ инославнымъ христіанамъ, къ другимъ вѣрамъ, гдѣ приверженность къ своей вѣрѣ принимаетъ, словомъ, форму узкаго конфессіонализма, тамъ не вѣтъ на насъ духомъ христіанскимъ, тамъ чувствуется холодное дыханіе духа раздѣленія, самолюбія, вражды. Если православіе по содержанію и духу своему совпадаетъ съ Евангеліемъ или христіанствомъ, (а такъ оно и есть на дѣлѣ), то заботы о „пигментѣ“ излишни. Если „пигментъ“ есть нѣчто добавочное къ Евангелію, то онѣ—незаконны. Не о раздѣленіи и обособленіи христіанъ нужно заботиться намъ, а о мирѣ и соединеніи ихъ... Какой пигментъ у Вине, Берсье, Дидона, Фаррара, Чамберса, Мартенсена, Гладстона, Друммонда и т. п.? Но ихъ читаетъ весь христіанскій міръ съ великимъ назиданіемъ и пользою духовною.

Нецерковный характеръ литературныхъ трудовъ о. Петрова доказываютъ „безцерковнымъ содержаніемъ“ ихъ, ограниченіемъ содержанія проповѣди одною моральною стороною христіанства „съ замалчиваніемъ о православно-христіанской догмѣ и культѣ“, о церкви, ея уставахъ, іерархіи, таинствахъ и т. д.; „безцерковность“ доказывается также отсутствіемъ иллюстраціи или поясненій мыслей примѣрами изъ священной исторіи, исторіи церкви, житій святыхъ и ученіемъ св. отцевъ, чему свящ. Петровъ предпочитаетъ обильныя ссылки изъ свѣтской литературы и гражданской исторіи...

¹⁾ Мисс. Обзор. 1903, № 7, 953—954, 946.

Обвиненіе въ такой формѣ требуетъ поправокъ, но, не распространяясь, укажемъ на одно: невѣрно, будто о. П-въ совершенно избѣгаетъ рѣчи о церкви, чуждается всего церковнаго и т. д. Рѣчь свою онъ любитъ иллюстрировать фактами изъ священной исторіи ¹⁾, сказаніями изъ жизни святыхъ подвижниковъ ²⁾, часто упоминаетъ о церкви ³⁾, напр. въ такихъ выраженіяхъ: „Церковь Христова своими молитвами и таинствами очищаетъ наше сердце, укрѣпляетъ наши духовныя силы“, „Церковь, житница Господня, полна отборнаго зерна пшеницы“ и т. д., при чемъ съ силою и тепло говоритъ о пользѣ храма, церковной молитвы, говніія по уставу церкви, о необходимости соблюденія установленій православной церкви и т. п. Совершенно невѣрно также, что въ произведеніяхъ о. Петрова совершенно нѣтъ упоминанія о догматахъ православной вѣры: встрѣчаются здѣсь упоминанія и о грѣхѣ первородномъ и о благодати, и о воскресеніи и проч. ⁴⁾. Правда въ томъ только, что по требованіямъ задачи, которую поставилъ себѣ о. Петровъ въ своихъ трудахъ, онъ счелъ нужнымъ гораздо болѣе заниматься нравственною стороною христіанства, чѣмъ догматическою. Это преимущественное вниманіе свящ. Г. Петрова къ моральной, а не догматической, сторонѣ христіанства могло вызываться столь естественнымъ въ русскомъ авторѣ желаніемъ ограничить возможно болѣе свое соприкосновеніе съ цензурою и возможно менѣе дать поживы для сыскной „критики“ любителей ересей. Слово нашего автора производитъ впечатлѣніе нѣкоторой неполноты, но что дѣлать? Это все-таки лучше полнаго умолканія живого слова въ области религіозной мысли, или ухода за границу и въ свѣтскую печать...

Конечно, о. П-въ успѣваетъ указаннымъ способомъ уйти отъ неприятностей, на которыя обрекаются авторы съ полнымъ словомъ по вопросамъ вѣры, и не даетъ матеріала для обвиненій въ ересяхъ и потрясеніяхъ основъ вѣры, но любители все-таки чуть не на каждой страницѣ откапы-

¹⁾ *Зерна добра* 74 и дал., 126—127, 154—167.

²⁾ *Тамъ же* 16, 95—96.

³⁾ *Божій путь* 22; *Зерна добра* 76, 118, 123, 131—135, 139.

⁴⁾ *Зерна добра* 92, 175; *Божій путь* 97, 8; *Евангеліе, какъ основа жизни* 137.

вають у него всевозможныя „заблужденія“ и „неправильныя сужденія“, „неправославныя мнѣнія“ и т. п. Конечно, „заблужденія“ выискиваются для доказательства *неправотности* автора, хотя-бы собственно *вѣры* они и не затрогивали. Какія же тутъ находятъ заблужденія?

Свящ. Г. Петровъ „утверждаетъ вопреки прямому свидѣтельству Моисея объ окончательномъ сотвореніи міра (Быт. 2, 2), что у насъ надъ головами въ безпредѣльномъ воздушномъ пространствѣ на смѣну угасшимъ солнцамъ возникаютъ, загораются новые міры“¹⁾.

Здѣсь „вѣсть“ Саламанкой и временами Колумба и Галилея!... Далѣе!

Свящ. Г. Петровъ „договаривается до совѣмъ ужь неправославныхъ мыслей“, когда, напр., выражаетъ невинную мысль о возможности развитія и совершенствованія въ области христіанской жизни и знанія²⁾.....

„Православный священникъ“ Г. Петровъ договаривается также „до явныхъ заблужденій противъ общепринятыхъ въ христіанствѣ (?) взглядовъ на нѣкоторые предметы вѣры“. Сюда относится раздѣляемый авторомъ вмѣстѣ съ архіеп. Херс. Иннокентіемъ, проф. М. Д. Муретовымъ и др., отличный отъ традиціоннаго, взглядъ на мотивы предательства Іуды; но этотъ взглядъ не относится къ области вѣры... Сюда относятся также несомнѣнную истину, что І. Христосъ „пришелъ не чудесами поражать умы, а словомъ проповѣди, примѣромъ жизни привлечь сердца къ царству Божію“. Это оказывается заблужденіемъ³⁾! Любопытно также отмѣтить постоянное смѣшеніе общепринятаго съ истиннымъ въ разсматриваемой критикѣ... „Неприложимость понятія усовершеншаемости и развитія къ идеямъ и жизни христіанства“ (не смотря хотя-бы только на Мѣ. V, 48) однимъ критикомъ подтверждается ссылкой на „добытые и установленныя въ апологетикѣ взгляды“⁴⁾. Читаль я не мало всякихъ апологетикъ, а такихъ еще не видываль, признаюсь!...

Повидимому, о. Петровъ отвѣчаетъ критикѣ, когда пи-

1) *Вѣра и Церковь* 1901, кн. 6, стр. 150.

2) *Тамъ же* 155.

3) *Вѣра и Церковь* 1901, кн. 6, 155 — 156 стр. *Мис. Обзор.* 1903, № 7, 950—951.

4) *Вѣра и Церковь* 1901, кн. 6, 151.

шесть (не берусь утверждать): „Посмотрите, какъ начинаютъ квакать всѣ лягушки, чуть только всколыхнешь болото; какой стоишь, ухаиье и зловѣщій крикъ поднимають совы, филины и ночныя мыши — вся эта лѣсная нечисть, живущая въ потемкахъ, когда спугнуть ее свѣтомъ. Что же должно произойти въ человѣческомъ болотѣ, когда люди новой жизни нарушаютъ вѣковую спячку, будятъ сонныхъ, облачаютъ привычную многимъ грязь и пытаются по новому наладить жизнь“¹⁾? Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что многія обвиненія критики и главное въ недостаткѣ церковности въ свое время здѣсь устранились указаніемъ на *приспособленіе* автора къ современнымъ читателямъ и ихъ запросамъ. Критика нашла приспособленіе въ данномъ случаѣ „ложною“ или „недоброю приспособляемостью“. Мнѣ остается поэтому сказать нѣсколько словъ въ разъясненіе того, какую же именно приспособляемость дѣйствительно слѣдуетъ считать дурною и какова приспособляемость въ трудахъ о Петрова, хотя по этому вопросу въ своемъ мѣстѣ приходилось писать и ранѣе²⁾.

Приспособленіе или аккомодация есть начало, которому слѣдуетъ и Божественное откровеніе: въ возвѣщеніи истинъ вѣры и нравственности Господь сообразуется со степенью способности людей къ ихъ воспріятію, пониманію. Отсюда различіе Ветхаго и Новаго Завѣтовъ по ясности и полнотѣ Божественнаго откровенія (даже истина св. Троицы не открытою остается въ Ветхомъ Завѣтѣ). Не все сообщилъ непосредственно и Самъ Господь по неспособности слушателей разумѣть Его вполне и *многое* отложилъ до явленія въ міръ Св. Духа (Іоан. XVI, 12—13); началу же приспособленія Онъ и Его ученики слѣдовали всегда въ проповѣди Своей міру. Доказательства этого въ рѣчахъ Господа и апостоловъ, видоизмѣнявшихся по своей формѣ, содержанію и объему въ зависимости отъ умственнаго и нравственнаго состоянія слушателей. Не одинаково звучала проповѣдь Евангелія міру среди язычниковъ и среди іудеевъ, въ Палестинѣ и въ Аѳивахъ; въ Галилеѣ и Іерусалимѣ. Вездѣ однако

¹⁾ *Божій путь* 7.

²⁾ Ср. *Опытъ апологетическаго изложенія христіанскаго вѣроученія* т. 1. изд. 1, стр. VII—VIII, XI, XIV.

приспособленіе въ проповѣди не имѣло и тѣни угодливости вкусамъ и желаніямъ толпы и вызывалось единственно стремленіемъ приблизить къ разумѣнію людей истину Евангельскую, а для этой цѣли всегда лучшимъ средствомъ является уясненіе Божественной истины сродными ей человѣческими понятіями, сближеніе неизвѣстнаго и новаго съ обычнымъ содержаніемъ сознанія слушателей. Проповѣдникъ Евангелія не спускается въ ученіи своемъ до уровня толпы, но старается поднять ее до высоты евангельской истины, не жертвуя истинною. Онъ обращается къ толпѣ съ истинами, ей непріятными и нежелательными, и проповѣдуетъ Христа Распятаго, для іудеевъ соблазнъ, а для еллиновъ безуміе. Онъ не будетъ избѣгать въ проповѣди Евангелія того, что вызываетъ въ толпѣ неодобреніе, напротивъ иногда ради торжества истины Христовой и яснаго отдѣленія ея отъ человѣческой лжи онъ будетъ проповѣдывать эту истину во всей ея рѣзкой противоположности лжи. Это безбоязненное проповѣданіе Христовой истины безъ сдѣлокъ съ ходячею ложью и слабостью времени есть безусловная потребность именно нашей эпохи: въ наше время фальсификаціи всего, въ томъ числѣ христіанства, необходимо показать истину евангельскую во всемъ ея отличіи отъ ложнаго христіанства. Можетъ быть, поэтому, гораздо полезнѣе въ настоящее время болѣе и сильнѣе подчеркивать, чѣмъ оставлять въ тѣни, догматическую сторону христіанства: вѣдь ужъ и безъ того многіе стали принимать его за что-то подобное дряблой философской морали или системѣ философской подъ вліяніемъ непрерывной фальсификаціи, совершаемой раціонализмомъ. Приспособляться здѣсь значило бы утверждать слушателей въ ложныхъ понятіяхъ о христіанствѣ. Настоятъ необходимость нынѣ, напротивъ, въ энергической проповѣди *дѣйствительнаго* и *цѣлаго* христіанства безъ ненужныхъ урѣзокъ и смягченій,—проповѣдь Христа, Сына Божія, Искупившаго міръ Крестомъ, Христа Распятаго и Воскресшаго. Это самое великое и радостное въ христіанствѣ мы должны нести въ своей проповѣди міру, а не то, что ему угодно взять изъ христіанства. Вѣками христіанской исторіи уравнивъ путь пониманію христіанства и между христіанствомъ и міромъ нынѣ стоитъ въ качествѣ средства нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ простое непониманіе,

какъ было прежде, когда христіанство было новостью въ мірѣ. Нѣтъ, христіанство нынѣ величина извѣстная міру и въ отрицаніи его напрасно прикрываются именемъ разума, когда злѣйшимъ врагомъ его является воля. Въ настоящее время отрицаніе христіанства принимаетъ явный характеръ нехотѣнія его, — *нехотѣнія въ томъ подлинномъ историческомъ видѣ, въ какомъ оно дано міру*. Христосъ Евангелія и Его ученіе не нравятся людямъ, и понадобилось нынѣ евангеліе въ исправленномъ видѣ. Таково впечатлѣніе, производимое не только Фр. Ницше и Л. Толстымъ, но и ученымъ историкомъ Гарнакомъ, у котораго особенно рельефно выступаетъ сліяніе незнанія съ нехотѣніемъ. Нѣтъ, проповѣдники Евангелія нынѣ вынуждены бороться болѣе съ враждою и общимъ нерасположеніемъ къ подлинному христіанству, чѣмъ съ интеллектуальною неспособностью къ его пониманію, или незнаніемъ его. Отсюда было - бы большою ошибкою въ проповѣди Евангелія не выходить изъ границъ обычнаго кругозора чуждой Христу современной толпы: толпа жаждетъ утвердиться въ своемъ отрицаніи историческаго Христіанства, и мы не должны помогать ей въ этомъ. Пусть разсѣется эта многолюдная толпа при звукахъ проповѣди о крестѣ и воскресеніи Христа: восторженнымъ вниманіемъ къ рѣчамъ проповѣдника во вкусѣ времени все равно эта толпа не приобщилась-бы Христу или, что хуже, считала бы себя Христовою... Только истиною можно привлечь къ Тому, Кто есть Сама Истина! Довольно въ теченіи вѣковъ приспособляли христіанство къ жизни и людямъ, пора жизни и людямъ подниматься на высоту христіанства!

Переходя къ „литературной проповѣди“ о. Г. С. Петрова, мы не находимъ въ ней какого-либо систематическаго игнорированія догматической стороны христіанства. Какъ видѣли, фактъ лишь въ томъ, что догматическая сторона менѣе выдвигается въ христіанствѣ о. Петровымъ, чѣмъ нравственная, въ соотвѣтствіи съ общею постановкою его проповѣди Евангелія или христіанства, какъ нравственной основы жизни. Конечно, жизненную силу Евангелія можно раскрывать и еще лучше, чѣмъ это дѣлается у о. Петрова, (ибо во всемъ есть степени совершенства), т. е. въ органической связи съ догматами, какъ силу Креста, воплощенія, воскресенія, для чего есть указанія и образцы въ богослов-

ской, особенно западной, литературѣ (и на такой именно основѣ покоится блестящая „литературная проповѣдь“ извѣстнаго и у насъ *Е. Берсье*),—все это такъ; но мы тутъ должны руководиться правиломъ: *могий вмѣстити да вмѣститъ* ¹⁾).

Не будемъ, однако, искать того, чего нѣтъ, а посмотримъ на то, что есть и дается намъ въ „литературной проповѣди“ о. Петрова.

Въ своей проповѣди христіанства, какъ „Евангелія царствія Божія“, о. П-въ идетъ навстрѣчу законной и все болѣе и болѣе назрѣвающей у насъ въ интеллигенціи потребности видѣть въ христіанствѣ не только религію потусторонняго, загробнаго идеала и личнаго совершенствованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ живую нравственную силу и силу общественнаго прогресса, усовершенствованія всей земной нашей жизни ²⁾. Такимъ дѣйствительно является христіанство въ словахъ

¹⁾ Лично мнѣ болѣе нравится и представляется болѣе благовременнымъ тотъ жанръ проповѣди, прекрасный образчикъ которой данъ намъ въ проповѣдяхъ *Е. Берсье* „Бесѣды“, СПб. 1890—1896, т. I—IV. Е. Берсье поставилъ себѣ ту же цѣль, что и о. Петровъ, — изображеніе христіанства, какъ міровой нравственной силы, но, исходя изъ убѣжденія въ неразрывности догматической и нравственной сторонъ христіанства, Берсье приходитъ къ цѣли инымъ и болѣе цѣлесообразнымъ путемъ: „каждое изъ предлагаемыхъ мною нравственныхъ наставленій“, говоритъ Берсье, „основывается на отвѣчающемъ ему теоретическомъ ученіи“ (предисл. IV къ т. II-му). О принципахъ, которымъ слѣдуетъ проповѣдь Берсье, см. т. III, 30—31, 41, 48 — 49, 49 — 50, 79, 91 (СПб. 1893). Во главу всей проповѣди здѣсь полагается вѣра во Христа Распятаго и крестъ наглядно изображается „наивеличайшею нравственною силою, существующею въ мірѣ“, такъ-что *христіанство является въ этой проповѣди величайшею нравственною силою именно въ качествѣ религіи Креста!* (См. т. III, стр. 79—81, 81, 84, 87 — 88). Согласенъ видѣть въ бесѣдахъ Е. Берсье „одну блестящую и высоко-научную апологію идеаловъ истинно-христіанской жизни“ (предисл. переводч.), но присовокуплю къ этому нѣчто большее. Бесѣды Е. Берсье въ цѣломъ вдохновенный гимнъ христіанству, какъ міровой нравственной силѣ, „Божіей силѣ и Божіей премудрости“. Это краснорѣчивая и убѣдительная апологія христіанства, соединяющая съ глубокимъ и широкимъ пониманіемъ христіанства знаніе современности, обширную начитанность, ораторскій и литературный талантъ. Правда, въ проповѣдяхъ Е. Берсье не видно „пигмента“, но и безъ „пигмента“ онѣ трогаютъ умъ, сердце и совѣсть, болѣе, чѣмъ инныя проповѣди съ „пигментомъ“.

²⁾ См. рефератъ г. *В. Тернавцева* „Интеллигенція и церковь“ въ *Новомъ Пути*, а также *Миссіон. Обзор.* 1902, іюнь, и пренія по поводу реферата въ протоколахъ „Религіозно-философскаго общества“.

апостола о немъ, какъ о религии, несущей съ собою благословія и блага не только для будущей, но и для настоящей жизни: *благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей* (1 Тим. IV, 8). Но далеко не таковымъ представляется христіанство въ господствующемъ у насъ съ давнихъ поръ односторонне-аскетическомъ его пониманіи и изъясненіи, а потому желательнo и нужно то дополнительное освѣщеніе христіанства, какое дается ему въ литературныхъ трудахъ о. Петрова и другихъ немногихъ писателей однороднаго направленія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, ихъ главное значеніе.

Въ индивидуальномъ сознаніи не можетъ отразиться вся цѣликомъ многогранная и многосторонняя христіанская истина; въ полнотѣ своей она отражается только въ коллективномъ сознаніи совокупности всѣхъ вѣрующихъ или Церкви. Здѣсь достигается бѣлый лучъ христіанской истины сложениемъ всѣхъ лучей ея спектра въ религиозномъ сознаніи вѣрующихъ, въ отдѣльности воспринимающихъ яснѣе отдѣльные лучи спектра. Наряду съ желтымъ лучемъ аскетическаго толкованія христіанства въ русской духовной литературѣ остается законное мѣсто и для розоваго луча проповѣди христіанской въ направленіи о. Петрова, а также и для всѣхъ прочихъ лучей въ полномъ спектрѣ всеобъемлющей Христовой истины.

Слово о. Петрова своевременно и умѣстно. Истина Христова возвѣщается здѣсь рѣчью живою, изящною, сильною, доступною и младенцамъ въ вѣрѣ, требующимъ молока, а не твердой пищи (Евр. V, 12). Чтеніе сочиненій свящ. Г. Петрова глубоко назидательно: они обращены не къ одному уму, но болѣе къ сердцу и совѣсти читателя, будятъ спящую совѣсть и любовь къ добру и передаютъ ему то высоко-христіанское настроеніе, которымъ проникнуть авторъ. Міросозерцаніе автора, какъ видѣли, вполне христіанское: ересей не нашли въ немъ и сами искатели ересей. Приспособленіе къ духовному состоянію современныхъ читателей изъ интеллигенціи не выходитъ изъ должныхъ границъ: авторъ отвѣчаетъ на законные религиозно-нравственные запросы времени. Слово его благовременно и полезно.

Протоіерей Павелъ Свѣтловъ.

Кіевъ
10 октября 1903 г.